

Слуга подумал и ответил:

— Говорят, в ближайшие пару дней, но точного времени не знаю. Местонахождение знатных особ нам не узнать.

Тан Чжао кивнула, всё же дала ему чаевые и отпустила. Она ещё немного посидела на месте, затем вдруг вскочила и подбежала к Лянь Цзинъюю, схватив её за руку:

— Цзинъюю, давай вернёмся сегодня ночью?

Лянь Цзинъюю, которая сидела, подперев щеку, чуть не упала со стола от такого рывка. Она пришла в себя и, услышав слова Тан Чжао, раздражённо сказала:

— Ты хоть посмотри на время. Сейчас возвращаться — значит лезть в горы в темноте.

Тан Чжао посмотрела в окно — солнце уже клонилось к закату, и скоро наступит вечер.

Возвращаться в крепость в такое время было явно неразумно, особенно учитывая, что горные тропы и так сложны для прохождения, а в темноте это стало бы настоящим мучением. Если бы у неё было разумное объяснение, она могла бы убедить Лянь Цзинъюю вернуться, но его у неё не было.

Они посмотрели друг на друга, и Тан Чжао первой сдалась:

— Ладно, вернёмся завтра.

На следующий день, едва рассвело, весь отряд уже был на ногах.

Разожгли костры, приготовили еду, разобрали палатки — императорские гвардейцы работали слаженно. Когда все позавтракали и собрали вещи, едва начинало светать — самое время отправляться в путь.

Минда с утра не хотела есть, лишь немного отведала рисовой каши и перед отправлением спросила служанку:

— Сколько времени займёт путь до Пинляна?

Служанка ответила:

— Если выедем сейчас, то доберёмся к полудню.

Затем она посмотрела на оставшуюся кашу и добавила:

— Время ещё есть, ваше высочество, лучше поешьте. Врач настаивал, что вам нужно больше отдыхать.

Минда махнула рукой и больше не притронулась к еде, просто отпустила служанку.

Вскоре отряд был готов, и командир гвардии доложил, что можно отправляться. Минда отдала приказ.

Экипаж медленно двигался по дороге. Снаружи путь был неровным, но карета принцессы была хорошо защищена от тряски, и внутри ощущались лишь лёгкие толчки. В отличие от вчерашнего дня, когда её только что вернули, сегодня никто не беспокоил её докладами, и в карете царила тишина.

Минда закрыла глаза, отдыхая, и сначала думала о Тан Чжао, представляя, как они встретятся. Но в последнее время она была очень уставшей, и, пока карета мягко покачивалась, её начало клонить в сон.

Служанка, заметив это, тихо достала тонкое одеяло и укрыла её.

Минда почувствовала это, но не открыла глаза, позволив себе погрузиться в полусонное состояние. Но когда карета внезапно остановилась, она тут же открыла глаза, взгляд её был ясным:

— Что случилось?

Служанка, отреагировавшая медленнее, извинилась и выглянула наружу, чтобы спросить кучера.

Кучер ещё не успел ответить, как к карете подъехал командир гвардии. Его лицо было напряжённым, и он, не обращая внимания на служанку, сказал, обращаясь к Минда:

— Ваше высочество, произошло несчастье. Полчаса назад все начали чувствовать слабость, и сейчас гвардейцы едва могут идти в своих доспехах. Похоже, нас подставили.

Минда вздрогнула и сначала проверила себя — она не чувствовала слабости или недомогания. Это было логично — если вся группа отравилась, то легче всего было подсыпать яд в еду. Но еда принцессы была под особым контролем, и подсунуть что-то туда было крайне сложно.

Однако в данный момент неважно, отравилась ли она сама. Минда посмотрела на командира и заметила, что, несмотря на его спокойное выражение лица, на лбу под шлемом выступила испарина — в этот осенний день это явно было не от жары.

— Прикажите снять доспехи и быть начеку, — немедленно распорядилась Минда.

Командир без возражений выполнил приказ, снимая свои доспехи прямо на ходу. Вес в несколько десятков килограммов был тяжёлым бременем, и, хотя гвардейцы привыкли к нему благодаря тренировкам, сейчас он казался особенно обременительным. Кроме того, доспехи,

конечно, защищали в бою, но если боя нет и враг может просто перерезать горло, они становились бесполезными.

Под руководством командира все сняли доспехи, и это действительно облегчило их состояние — теперь они хотя бы могли держать оружие. В это время сопровождающий врач уже проверял состояние всех, пытаясь найти способ нейтрализовать яд.

Минда оставалась в карете, но чувство тревоги и предчувствие беды усиливались.

Она посмотрела в окно. Осенью всё должно было увядать, но на юго-западе всё было иначе. То ли зима здесь была не такой холодной, то ли растения отличались от северных, но даже в глубокой осени вокруг была густая зелень. Травы и деревья не были такими пышными, как весной или летом, но и не увядали... Спрятать одного человека, нет, целую группу, здесь было легко!

Минда опустила занавеску, слегка выпрямилась, чтобы спрятаться за стеной кареты, которая могла защитить от стрел, и громко приказала:

— Прикажите отступить, найти удобное для обороны место и отправить гонца в Пинлян за помощью.

Командир, который, как оказалось, уже вернулся, ответил снаружи:

— Слушаюсь.

Весь отряд развернулся, и больше людей собралось вокруг кареты, осторожно охраняя её. Однако это явно встревожило тех, кто прятался в засаде. Карета ещё не успела отъехать, как снаружи раздался крик:

— Нападают!

Минда не была удивлена. Она закрыла глаза, глубоко вдохнула и прислушалась к звукам снаружи.

Положение было не из лучших. Хотя императорская гвардия была сильна, все страдали от отравления. Нападавших было меньше, но они были хорошо подготовлены, и гвардейцы не имели преимуществ — более того, многие из них, отчаявшись, выбрали тактику «убей или умри», и сейчас они буквально жертвовали своими жизнями.

В воздухе постепенно распространялся густой запах крови. Служанка в карете дрожала, но всё же осмелилась предложить:

— Ваше высочество, снаружи, кажется, всё плохо. Может, вы переоденетесь в мою одежду?

Минда посмотрела на служанку, которая побледнела от страха, и её сердце сжалось. Обе они

знали, что Минда не раз подвергалась покушениям, и нападавшие стремились убить именно её, не оставляя шансов. Предложение служанки означало, что та готова умереть вместо неё, но такая преданность не была для Минда чем-то новым.

Служанка, не дожидаясь ответа, начала снимать свою верхнюю одежду, а затем принялась раздевать Минда. Та, слыша крики и звуки борьбы снаружи, закрыла глаза, а затем снова открыла их с решимостью.

Они быстро поменялись одеждой, а снаружи гвардейцы уже несли большие потери.

Командир, то ли по интуиции, то ли случайно, снова подъехал к карете и сказал:

— Ваше высочество, отступайте.

Служанка посмотрела на Минда, и та, с твёрдым взглядом, ответила:

— Иди!

Получив приказ, служанка, хотя и дрожала от страха, не медлила и вышла из кареты. Перед тем как спуститься, она услышала слова Минда:

— Если вернёшься, я одарю тебя богатством. Если нет, я позабочусь о твоей семье.

Служанка поклонилась и, не оглядываясь, вышла из кареты.

Когда из кареты вышла богато одетая женщина, гвардейцы инстинктивно окружили её, и нападавшие последовали их примеру. Командир, конечно, понял, что это не принцесса, но он не стал говорить об этом. Он даже не взглянул на карету, а сам присоединился к защите служанки, делая вид, что пытается вывести её из окружения.

<http://bllate.org/book/15453/1370993>